

Э. М. ХОУМС

Э. М. ХОУМС

Да будем мы
ПРОЩЕНЫ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
X85

Серия «Звезды интеллектуальной прозы»

А.М. Homes

MAY WE BE FORGIVEN

Перевод с английского *М. Б. Левина*

Серийное оформление и компьютерный дизайн

В. А. Воронина

Печатается с разрешения автора
и литературного агентства The Wylie Agency (UK) Ltd.

Хоумс, Э.М.

X85 Да будем мы прощены : [роман] / Э.М. Хоумс ; [пер. с англ. М. Б. Левина]. — Москва : Издательство АСТ, 2015. — 576 с. — (Звезды интеллектуальной прозы).

ISBN 978-5-17-081516-6

«Да будем мы прощены» — одна из самых ярких и необычных книг десятилетия. Полный парадоксального юмора, язвительный и в то же время трогательный роман о непростых отношениях самых близких людей.

Еще недавно историк Гарольд Сильвер только и мог, что завидовать старшему брату, настолько тот был успешен в карьере и в семейной жизни.

Но внезапно блеск и успех обернулись чудовищной трагедией, а записной холостяк и волокита Гарольд оказался в роли опекуна двух подростков-племянников — в роли, к которой он, мягко говоря, не вполне готов...

Так начинается эта история, в которой привычное соседствует с невероятным, а печальное — со смешным. Впрочем, не так ли все, в сущности, бывает и в реальной жизни?..

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

© А.М. Homes, 2012

© Перевод. М.Б. Левин, 2015

ISBN 978-5-17-081516-6

© Издание на русском языке AST Publishers, 2015

Посвящается Клавдии — с благодарностью

«Да будем мы прощены» — заклинание, молитва, надежда, что я как-нибудь выберусь живым из этой передряги. Случалось ли вам хоть раз подумать: ведь я же сам все это устраиваю, это ведь я все порчу, и сам не знаю, зачем?

Хотите знать мой рецепт катастрофы?

Предупреждающий сигнал: прошлый год, День благодарения у них дома. Двадцать или тридцать человек гостей, цепочка столов из столовой в гостиную, внезапно упирающаяся в табуретку для пианино. Он сидел во главе самого большого стола, выковыривая из зубов кусочки индейки и вещая о себе самом. Я то и дело поглядывал на него, бегая с тарелками в кухню и обратно, и кончики пальцев у меня были перемазаны остатками пищи — клюквенный соус, сладкий картофель, холодный жемчужный лук, хрящики. И с каждым рейсом из кухни в столовую я ненавидел его все больше и больше. Всплывали в памяти все грехи нашего детства, начиная с его рождения.

Он вошел в мир через одиннадцать месяцев после меня, родился болезненным, потому что ему по дороге кислорода не хватило, и отвлек на себя чертовски много внимания. Хотя я всегда твердил ему, какой он отвратительный тип, сам он считал себя даром Божьим и держался соответственно. Ему дали имя Джордж, но он любил, чтобы его называли Гео — что-то ему мерещилось в этом стильное, научное, математическое, аналитическое. Я называл его Геод — как осадочную породу. Его противоестественная самоуверенность, его торжественно-самодовольная голова, облепленная белобрысыми прядями, высоко задранная, чтобы привлекать внимание, создавали впечатление, будто он и правда что-то знает. Люди испрашивали его мнений, старались заинтересовать его собой, а я никакого такого обаяния в нем не видел. Когда ему было десять, а мне одиннадцать, он был выше меня, шире в плечах, сильнее. «Ты

уверена, что этот мальчишка не от мясника?» — спрашивал шутливо мой отец. И никто не смеялся.

Я притаскивал тяжелые тарелки и блюда, утаскивал кастрюли с коркой объедков, и никто не замечал, что нужна помощь, — ни Джордж, ни двое его детей, ни его смехотворные друзья — на самом деле прихлебатели у него на службе. Среди них — девица из погодной передачи и разные запасные ведущие, с прямыми спинами и волосами, распрямленными, как у Кена и Барби, а не прямыми, как у Клер — моей жены, американской китайки, которая терпеть не может индейку и всегда нам напоминает, что у них в семье принято праздновать жареной уткой и клейким рисом. Жена Джорджа Джейн целый день хлопотала по хозяйству, готовила и убирала, и сейчас сбрасывала кости и объедки в колоссальный мусорный бак.

Джейн очищала тарелки, складывала грязные в стопки и бросала измазанные жиром приборы в исходящую паром мыльную воду. Взглянув на меня, она отвела волосы тыльной стороной ладони и улыбнулась. Я пошел за следующей порцией.

Глядя на ее детей, я воображал их в одежде переселенцев и в черных башмаках с пряжками. Представлял, как они выполняют работу, поручаемую детям переселенцев, — таскают ведра с молоком, как вьючная двуногая скотина. Натаниэл, двенадцати лет, и Эшли, одиннадцати, сидели за столом, как бесформенные кучки какие-то, сторбившись, даже свернувшись, будто они беспозвоночные и их небрежно вывалили в эти кресла. Они глаз не отводили от своих экранчиков. Единственное, что у них двигалось, это большие пальцы рук — одна писала эсэмэски друзьям, которых никто никогда не видел, другой истреблял оцифрованных террористов. Это были дети-отсутствия: отсутствие личности, отсутствие характера и физическое отсутствие в доме всегда, кроме каникул. Их послали в пансион в возрасте, который иные могли бы счесть слишком юным, но Джейн как-то создалась, что это была своего рода необходимость: имелись намеки на общие трудности обучения, на несоответствие развития возрасту; и подразумевалось, что непредсказуемые перепады настроения Джорджа создают в доме не совсем идеальную атмосферу.

Звуковой фон обеспечивали два телевизора, громко состоявшиеся за внимание зрителей, которых не было. По одному шел футбол, по другому — фильм «Могучий Джо Янг».

— Я компанейский человек, душа и сердце любой компании, — говорит Джордж. — Король развлечений в сети, нахожусь в состоянии боевой готовности, двадцать четыре часа в сутки семь дней в неделю.

Телевизоры натяканы повсюду. Джордж не может быть один даже в уборной.

И еще, видимо, он не в состоянии прожить без постоянно звучащих подтверждений своего успеха. Десяток с лишним «Эмми» просочились из его кабинета и расползлись по всему дому со всякими прочими премиями и цитатами в резном хрустале, и каждая из них прославляла умение Джорджа перепаривать популярную культуру и выдавать ее нам обратно — с едва заметной долей насмешки, чаще всего в виде получаса ситкома или часа новостей.

Центр стола занимало блюдо с индейкой. Я перегнулся через Клер и поднял его — тяжелое блюдо заколебалось, едва не вырвалось. Я напрягся, велел мышцам быть сильными и справился с работой, не уронив при этом зажатую сгибом другой руки кастрюльку с брюссельской капустой и беконом.

Индейку, эту «птицу наследия» (в чем бы оно ни состояло), натерли, расслабили, приправили до полной покорности, до мыслей, что не так уж плохо, если в некотором ежегодном обряде тебя обезглавят и начнут панировочными сухарями и клюквой до самой задницы. Птицу растили, внушая ей эту мысль, ради той даты, когда выпадет ее жребий.

Я стоял в кухне, поглядывая на птичий труп, а Джейн в ярко-синих перчатках мыла посуду, руки по локоть в мыльной воде. Моя рука ушла глубоко в мякоть птицы, пустое тело было еще теплым, и в нем торчали лучшие куски начинки. Я зарылся пальцами, поднес к губам щепоть начинки. Джейн на меня посмотрела — рот у меня был влажный, жирный, пальцы скрючены где-то там, где у птицы находилась точка джи — если она у птиц бывает. Джейн вынула руки из воды, подошла ко мне и влепила поцелуй — никак не братский. Серьезный, влажный, полный желаний, и это было жутко и неожиданно. Потом она сорвала перчатки и вышла из кухни.

Я держался за столешницу, вцепившись в нее скользкими от жира пальцами. Крепко вцепившись.

Подали десерт. Джейн спросила, хочет ли кто-нибудь кофе, и снова вышла в кухню. Я за ней, как собака, просящая добавки.

Она меня в упор не видела.

— Ты меня игнорируешь? — спросил я.

Она без слов протянула мне кофе.

— Можно мне чуть-чуть расслабиться, сделать что-нибудь только для собственного удовольствия и ни для чего другого? — Помолчав, она спросила: — Сливки, сахар?

От Дня благодарения до Рождества, от Рождества до Нового года я мог думать только об одном: как Джордж имеет Джейн. Вот он на ней, а вот особый случай: он снизу, а однажды, фантастически, Джордж уделявал ее сзади — глаз не сводя с телевизора, а внизу экрана шли бегущей строкой заголовки новостей. Не мог я об этом не думать. Я был убежден, что Джордж вопреки своему обаянию и колоссальным профессиональным достижениям в постели не ас и все, что он знает о сексе, почерпнуто из журналов, которые он тайно читает в сортире. И я все думал, как мой брат трахает свою жену, — постоянно думал. Стоило мне увидеть Джейн, у меня вставал. Чтобы не выдать свой предательский энтузиазм, я одевался в мешковатые штаны и две пары плавок. От этого я становился объемным, и мне не нравилось, что выгляжу ожиревшим.

В без чего-то восемь вечера, ближе к концу февраля, звонит Джейн. Клер еще на работе — она всегда на работе. Другой бы подумал, что у его жены интрижка. Я думаю, что Клер умница.

— Нужна твоя помощь, — говорит Джейн.

— Не волнуйся, — отвечаю я, еще даже не зная, о чем волноваться.

Представляю, что она звонит мне с кухонного телефона, длинный кольчатый шнур обернулся вокруг ее тела.

— Джордж в полиции.

Я смотрю на нью-йоркский горизонт. Наш дом — уродство, послевоенный белый кирпич, унылый и скучный, но мы

высоко, окна широкие, и есть терраса, где мы по утрам сидим и завтракаем.

— Он что-нибудь натворил?

— Видимо, — отвечает она. — Меня просили приехать его забрать. Ты можешь? Можешь забрать своего брата?

— Не волнуйся, — повторяю я.

Через несколько минут я уже на пути от Манхэттена к местечку Уэстчестер, где живут Джейн и Джордж. Клер я звоню из машины, включается ее голосовая почта.

— Что-то там стряслось с Джорджем, я должен его забрать и отвезти домой к Джейн. Я поужинал, тебе оставил в холодильнике. Позвоню.

Драка. Именно о ней думаю я по дороге в полицейский участок. У Джорджа это есть: термоядерная реактивность, талящаяся под поверхностью до тех пор, пока какая-то мелочь не послужит спусковым крючком, и тогда он взрывается, переворачивает столы, лупит кулаком в стену, а то и... Я сам не раз бывал реципиентом его фрустраций: мне в спину летел бейсбольный мяч и бил по почкам так, что я падал на колени, у бабушки на кухне мне доставался такой толчок, что я спиной вперед вылетал через стеклянную дверь — это Джордж не давал мне взять последний пирожок. Видимо, он после работы поехал выпить и с кем-то сцепился.

Через тридцать три минуты я паркуюсь возле небольшого пригородного полицейского участка — белая коробочка года этак семидесятого. В участке — календарь с грудастыми девками (пожалуй, в полиции не совсем уместный), банка леденцов, два металлических стола, которые гремят, как авария, если их случайно задеть, — а это я как раз и делаю, споткнувшись на пустой бутылке диетического «доктора пеппера».

— Я брат человека, жене которого вы звонили, — объявляю я. — Я здесь по поводу Джорджа Сильвера.

— Вы и есть его брат?

— Да.

— Мы звонили его жене, она едет его забирать.

— Она позвонила мне, и я за ним приехал.

— Мы хотели его отправить в больницу, но он отказывается. Продолжает утверждать, будто он человек опасный, а мы должны отвезти его «в город», запереть и на том закончить. Лично я думаю, что этому человеку нужен врач — из такой переделки целеньким трудно выйти.

— Он ввязался в драку?

— В дорожно-транспортное происшествие, неприятное. Не похоже, чтобы он был под кайфом. Он прошел проверку дыхания, согласился сдать мочу, но на самом деле ему нужен врач.

— Инцидент по его вине?

— Он проехал на красный, впоролся в минивэн. Мужа убило на месте, жену на заднем сиденье тяжело ранило. С ней был мальчик, который выжил. Пока спасатели резали кузов ножницами, женщина скончалась.

— Ее ноги вывалились из машины, — говорит кто-то из глубины офиса.

— Мальчик в приличном состоянии, он выживет, — сообщает полисмен помоложе. — Я приведу вашего брата.

— Моего брата обвиняют в преступлении?

— Сейчас — нет. Будет полное расследование. Патрульные сообщают, что на месте происшествия он выглядел дезориентированным. Отвезите его домой, позвоните врачу и адвокату — такие дела могут плохо обернуться.

— Не хочет выходить, — говорит молодой коп.

— Скажи ему, что у нас для него места нет, — предлагает старший. — Объясни, что скоро появятся настоящие преступники и ночью они ему дырки позатыкают.

Появляется растрепанный Джордж.

— Почему ты? — спрашивает он.

— Джейн мне позвонила. Кроме того, ты же взял машину.

— Могла на такси поехать.

— Поздно уже.

Я вывожу Джорджа через парковку в ночь, чувствуя себя обязанным вести его под локоть — то ли чтобы не сбежал, то ли чтобы не упал. Так или иначе, руку Джордж не вырывает.

— Где Джейн?

— Дома.

— Она знает?

Я отрицательно качаю головой.

— Это было страшно. Там светофор был.

— Ты его не видел?

— Вроде бы видел.

— Решил, что его сигнал не для тебя?

— Не знаю. — Он влезает в машину. — Где Джейн? — снова спрашивает он.

— Дома, — повторяю я. — Пристегнись.

Заезжаю на дорожку, свет фар прорезает дом и выхватывает из темноты кухни Джейн с кофейником в руках.

— Как ты? — спрашивает она, когда мы входим.

— Как я могу быть? — отвечает Джордж.

Он вываливает все из карманов на стол, снимает туфли, носки, штаны, трусы, пиджак, рубашку, нижнюю рубашку и все это сует в кухонное мусорное ведро.

И стоит голый, склонив голову, будто прислушиваясь.

— Кофе? — снова спрашивает она, приподнимая кофейник.

Он не отвечает. Идет из кухни через столовую в гостиную, садится в темноте — голый — в кресло.

— Была драка? — спрашивает Джейн.

— Автоавария. Ты бы позвонила в страховую компанию и адвокату. У вас есть адвокат?

— Джордж, у нас есть адвокат?

— А мне он нужен? — спрашивает тот. — Если да, звони Рутковски.

— Что-то с ним случилось, — говорит Джейн.

— Он убил двоих.

Молчание.

Она наливает Джорджу кофе и несет его в гостиную вместе с посудным полотенцем. Полотенцем накрывает гениталии мужа, будто кладет салфетку на колени.

Звонит телефон.

— Не подходи, — говорит Джордж.

— Алло? — отвечает она. — К сожалению, его сейчас нет дома, что-нибудь передать? — Джейн слушает. — Да, я вас лично слышу, — говорит она и вешает трубку. — Кто хочет выпить? — спрашивает она в пустоту и наливает сама себе.

— Кто это был? — спрашиваю я.

— Друг семьи, — отвечает она, и ясно, что это был друг той семьи, которая погибла.

Джордж долго сидит в кресле, полотенце закрывает интимные части, чашка кофе небрежно стоит на ноге. Под ним собирается лужа.

— Джордж! — умоляющим голосом обращается Джейн, услышав звуки капающей воды. — Кажется, с тобой беда.

Тесси, старая собака, встает со своей подстилки, подходит, нюхает.

Джейн бежит в кухню, возвращается с пачкой бумажных полотенец.

— Это же разьет покрытие пола, — говорит она.

Все это время Джордж сидит безучастно, как сброшенная шкура линяющей рептилии. Джейн берет у Джорджа чашку и отдает мне. Снимает у него с колен мокрое кухонное полотенце, помогает ему встать и бумажными полотенцами вытирает ему зад и тыльную сторону ляжек.

— Давай я отведу тебя наверх.

Они поднимаются по лестнице, я провожаю их глазами. Мне видно тело брата — обмякшее, отвислый живот, подвздошные кости, таз, плоская задница — все такое белое, будто светится в темноте. Они поднимаются, и ниже зада, между ногами, виден розовато-лиловый мешок с яйцами, качающийся, как у старого льва.

Я сижу на диване. Где моя жена? Клер неинтересно, что случилось? Она не гадает, куда я девался из дома?

В комнате воняет мочой. На полу — мокрые бумажные полотенца. Джейн не возвращается вытереть лужу. Я это делаю сам и снова усаживаюсь на диван.

В полутьме таращусь на старую африканскую маску из дерева, отделанную волокнами конопли и перьями, украшенную племенными бисерными узорами. Я смотрю на это незнакомое лицо, которое Нейт привез из школьной поездки в Южную Африку, и маска будто тоже смотрит на меня, будто в ней кто-то есть, будто хочет что-то сказать, но дразнит меня молчанием.

Ненавижу эту гостиную. Весь этот дом ненавижу. Хочу домой.

Я эсэмэской сообщаю Клер, что случилось. Она пишет ответ: «Я воспользовалась твоим отсутствием и все еще на работе. Вероятно, тебе надо будет там остаться на случай ухудшения ситуации».

Я послушно укладываюсь спать на диване, укрыв плечи коротким пахучим пледом. Собака Тесси составляет мне компанию и греет мне ноги.

Поутру начинаются торопливые телефонные переговоры, приглушенные реплики в сторону. Из факса выползает копия протокола вчерашнего события. Мы отвезем Джорджа в больницу, там что-нибудь поищут — какое-нибудь объяснение, избавляющее Джорджа от ответственности.

— Я, что ли, глюкну и что тут вообще творится? — желает знать Джордж.

— Джордж! — отчетливо произносит Джейн. — Мы едем в больницу. Собери вещи.

И он собирает.

Я их везу. Джордж сидит рядом, в сильно потертых вельветовых штанах и фланелевой рубашке, которая у него лет пятнадцать. Выбрит неровно.

Я веду осторожно, беспокоясь, что эта его покладистость сейчас испарится. Может случиться приступ воспоминаний, взрыв, попытка схватить руль. От страховочных ремней есть польза: они не одобряют внезапных движений.

— Ехал на ярмарку Саймон-простак, пекаря встретил, сказал ему так: что-то ты вкусное, пекарь, испек, — читает Джордж с выражением. — Саймон рыбачить решил неспроста — выловить Саймон задумал кита. Чтoб за китом далеко не ходить, в старом ведре он решил поудить*. Ты поаккуратнее, — говорит он мне. — А то что просил, то и дадут.

В приемном покое Джейн с документами о страховке и полицейским протоколом идет к стойке и объясняет, что вчера вечером ее муж был участником автомобильной аварии с жертвами и, кажется, не ориентировался в обстановке.

— Не так все было! — ревет Джордж. — Этот долбаный внедорожник торчал передо мной белым облаком, я через

* Перевод А. Розентретер.